

A large, golden rooster is the central focus of the image, standing in a vibrant, neon-lit city street at night. The rooster has a large red comb and wattle, and its feathers are a bright, shimmering gold. In the foreground, two men wearing dark vests and caps stand near a black car. The background is filled with colorful neon signs and lights, creating a lively, urban atmosphere. The overall scene is surreal and visually striking.

Андрей Ефанов

Золотая курица

18+

Андрей Ефанов

Золотая курица

<https://litres.ru/74056461>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть-нонфикшн. Сюжет разворачивается вокруг центрального героя, переживающего вместе со страной кризис приватизации, становление рыночной экономики и первые шаги финансовой свободы. Основные события происходят в казино, биржевых коридорах, кабинетах власти и прокурорской среде, позволяя ощутить всю сложность принятия решений в нестабильных экономических условиях. Через повествование читатель знакомится с жизнью и карьерой персонажей, вынужденных бороться за существование в новых реалиях.

Содержание

Глава 1. Ставки сделаны	4
Глава 2. Биржа	18
Глава 3. Американские горки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Золотая курица

Глава 1. Ставки сделаны

1

Ночью Новый Арбат преображался до неузнаваемости. Залитый неоновым светом, он превращался в московский Вегас — переливался разноцветными огнями, как ёлочная гирлянда. Казино «Черри» сверкало ярче всех: здесь царил праздник азарта, элитного алкоголя и красивых женщин; всё продавалось и покупалось по прайсу, висевшему у бармена под стойкой.

У подъезда теснились новенькие шестисотые «Мерседесы» с наглухо тонированными стёклами. Эти бронированные гробы на колёсах, бутики и лавочки бесцеремонно поглощали город, а в воздухе витал густой дух авантюризма, стяжательства и едва уловимого криминала, который тут называли «крышей».

Охранники на входе — живые шкафы из мяса и тестостерона — изо всех сил старались быть вежливыми, но это давалось им с трудом, примерно как балерине — поднять штангу. Я не удержался от лёгкой иронии:

— Сколько стоит взрослый билет на этот праздник жизни?

— Тридцать баксов в кассу — и проходи! — сурово отрезал охранник. Вежливость явно не была его сильной стороной, в отличие от умения ломать пальцы.

— А девчонки в казино красивые? Или все сливки снимают на Тверской, в «Найт Флайт»? — не унимался я.

— «Найт Флайт» — крутой клуб, но там нет рулетки. А самые стоворчивые — здесь, в «Черри»! — не моргнув глазом, ответил он.

Было очевидно: за стеб с гостями ему не доплачивали, а вот за хамство могли и премию выписать.

Больше вопросов у меня не было. Я выложил тридцать долларов за вход (смешная цена за право почувствовать себя идиотом), разменял ещё пятьсот на фишки и шагнул внутрь, в блеск и звон.

Я не был лудоманом, но статус «человека с деньгами» обязывал к определённым набору ритуалов: носить малиновый пиджак, ездить на «шестисотом», проигрывать валюту в казино, иметь любовницу и решать все вопросы на «стрелке» — непременно в «Праге» или «Балчуге». Отдыхать полагалось в Сен-Тропе или Майами. Делать иначе было просто неприлично и пагубно для репутации.

Дорожка из огоньков вела к игровым автоматам. Женщи-

ны на любой вкус сидели у барной стойки или стояли у лестницы на второй этаж, где можно было потанцевать. Казалось, конкурируя друг с другом, они уже сбросили с себя всю одежду.

Ни один игорный стол не пустовал. Среди гостей преобладали малиновые пиджаки — ходячие индикаторы инфляции. Я вспомнил недавнее интервью на Первом канале: один из таких пиджаков прямо заявил: «Все, у кого нет миллиона долларов, пусть идут в жопу!» В казино собрались именно те, кто разделял эту точку зрения — «новые русские». Лихие девяностые застали всех врасплох: внезапно появившиеся большие деньги сводили с ума тех, кто ещё вчера считал богатством палку сырокопчёной колбасы.

«Ярмарка тщеславия!» — подумал я и выбрал французскую рулетку — игру исключительно на удачу, где математика всегда работает против тебя.

Пока я просто наблюдал. Мужчина в малиновом пиджаке и с рыжими волосами играл как заводной — без пауз, без тормозов. Рядом с ним стояла соблазнительная красотка с мартини, оплаченным рыжим, и гипнотизировала шарик. Она оставалась безучастной, но не забывала вовремя улыбаться своему спутнику, словно тот был её единственным шансом на выживание.

— Жизнь — игра! — произнёс он, обращаясь к ней. —

Что нас ждёт завтра — не знает никто. Может быть, «джекпот», а может — «зеро». Играю на всё!

Крупье запустил белый шарик по крутящемуся колесу и объявил: «Ставки окончены». Шарик подпрыгнул, перевернулся и замер на красном поле, номер пять. Красотка захлопала в ладоши, рыжий засмеялся и сгрёб фишки. Ему определённо везло, потому что он ставил на «красное» весь вечер, нарушая законы вероятности.

Теперь и я был готов испытать удачу, но только на небольшие деньги. Вовремя ограничить убытки — значит заработать! Это первое правило архитектора финансовых схем.

Крупье терпеливо ждал, пока я выбирал: красное или чёрное, чёт или нечёт, а может быть — счастливое число? Я поставил пятьдесят долларов на красное с номером пять — и сразу проиграл. На чёрное — тоже мимо. На «зеро» — всё мимо кассы. Зато у казино дела шли превосходно, их бизнес-модель была безупречной.

Странно, но чаще всего выигрывал тот вариант, на который ставили меньше всего. Я стал делать ставки в последний момент, когда все уже определились, — на «свой» вариант. И наконец повезло: передо мной выросла целая горка разноцветных фишек. Архитектура момента сработала.

Внезапно кто-то взял меня за плечи сзади. Я обернулся.

Рядом стоял Костя, мой коллега по топовой инвестиционной компании «Индекс X». Он умел выбрать момент так же точно, как киллер выбирает позицию.

— Еле нашёл тебя, — сказал Костя. Всегда очень серьёзный, сейчас он был мрачнее тучи. — Нам нужно срочно сбросить все ваучеры по любой цене!

Я застыл на месте. Вокруг кипел ночной праздник, пахнущий дорогим парфюмом и беззаботностью, но его слова прозвучали как приговор. Была глубокая ночь, время, когда совершаются самые дорогие ошибки.

— Когда?

— Сейчас! К открытию биржи в компании не должно остаться ни одного чека!

— Что-то случилось, пока я проигрывал? — попробовал я пошутить.

Плохие новости лучше всего прояснять сразу, пока они не стали катастрофой.

— Абсолютный трэш! — отрезал Костя, даже не улыбнувшись. — Весь день горит Белый дом. Танки с набережной прямой наводкой расстреляли Дом Советов с депутатами. Столб чёрного дыма виден с любой высотки Москвы.

В этот момент движение шарика в рулетке перестало быть метафорой непредсказуемости — оно стало отражением нашей жизни. Мы все играли в игру, правила которой меняют-

ся прямо во время партии.

— Плохие новости для бизнеса, — сказал я, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Боюсь, что биржа их не переживёт.

— Политика — это чёрная дыра, — глухо произнёс Костя, глядя куда-то сквозь толпу. — Политиков предсказать невозможно. А мы у них в заложниках.

Внезапно смех и звон бокалов вокруг стали настоящим пиром во время чумы. Политика, эта «чёрная дыра», о которой мы привыкли читать между строк в дедовской «Правде», вдруг материализовалась в виде танковой брони и чёрного дыма над набережной.

2

Мне было пять, когда я впервые услышал слово «политика». Дедушка читал «Правду», водя узловатым пальцем по строчкам, и говорил, что истина скрыта между ними. Я посмотрел в газету — там были только чёрные буквы на серой бумаге.

— Дедушка, а что значит «между строк»? — спросил я.

Он усадил меня на колени и прищурился:

— Ты видел, как писает комар?

Я задумался.

— Нет, дедушка.

— Вот. А политика — ещё тоньше.

Я понял: правду мне не разглядеть. Политика казалась чем-то далёким и неуловимым, но остаться в стороне не получалось. Жизнь сама втягивала в эту игру, хочешь ты того или нет.

Костя называл политику бесконечной игрой в правду и ложь с двумя вариантами на выбор. Пауль, мой друг из Цюриха, говорил иначе: «В Австралии мало кто знает фамилию премьера, но на стабильность это не влияет. Вот это — хорошая политика!»

У нас всё было не так. Политика ломала судьбы, как ребёнок ломает игрушку-трансформер. Игнорировать её было опасно для здоровья.

Сейчас меня мучил другой вопрос. Я озвучил его Косте, пока мы шли к выходу через душный зал казино:

— Даже если мы скинем все чеки партнёрам к утру — а я в этом не уверен — мы всё равно потеряем бизнес. Ведь бизнес — это репутация и доверие. Так меня учили американцы.

Костя пожал плечами. Для него эти высокие материи были такой же абстракцией, как квантовая физика для дворника.

— Забудь всё, чему тебя учили американцы! В России это

не работает. Наш бизнес — это война, где каждый сам за себя. Спасти — значит победить.

— Победить? Ты слышал о Пирровой победе?

— Пойми, играть по правилам уже не получится. В стране случился форс-мажор, — он махнул рукой, словно сметая невидимую пыль.

— Значит, «наверху» уже всё решили?

— Да. Босс сказал: «Хватит жевать сопли, спасайте деньги! Будут деньги — репутацию купим. А без денег зачем она вообще?»

И почему форс-мажор всегда случается так не вовремя? Хоть бы раз — по-другому, например, в пятницу вечером перед выходными!

В этой суматохе я столкнулся с Ильясом Арбатским.

На аэровокзале ему принадлежали все магазины. Меня бы не удивило, окажись и казино «Черри» в его собственности.

В костюме от Армани он напоминал хищника на отдыхе — расслабленного, но готового к прыжку в любую секунду. Ильяс был из другого мира, мира понятных законов силы и власти. Он предлагал защиту, но цена входа в его мир была известна: рубль за вход, два за выход. Я предпочитал играть в шахматы и держаться своей стороны доски.

— Привет, дорогой! Как дела? — спросил он, вальяжно развалившись в кресле. — По-прежнему коллекционируешь

ваучеры?

— Не просто ваучеры! Я продаю людям их надежды! — ответил я.

— Надежды... сегодня стоят недорого.

Так мы и познакомились, когда наши бизнесы пересеклись на аэровокзале.

— Твоих девчонок у меня никто не обижает?

Мои девчонки меняли на аэровокзале акции за ваучеры. Ильяс разрешил это после того, как я выиграл у него партию в шахматы.

— У тебя как в сейфе, никаких проблем!

Ильяс придвинулся ближе ко мне, понижая голос до шёпота.

— Я скажу тебе по секрету: никто сегодня ни в чём не уверен! — повторил он и рассмеялся, обнажая зубы.

Я кивнул:

— И я ни в чём не уверен. Просто отчаянный.

Он продолжал, глядя мне прямо в глаза:

— Удивительный ты человек! Вот здесь — настоящий бизнес, а твой я не понимаю! Будут проблемы — скажи. Я решу!

И никто не понимает. Может быть, к счастью для меня и моего здоровья!

Николай Ильич, мой начальник службы безопасности, предупреждал:

— С такими людьми держи ухо востро. У воров вход — рубль...

— Мы просто играем в шахматы, — отвечал я.

Секрет успеха — в умении адаптироваться. Я старался поддерживать ровные отношения со всеми. Правило работы, пока не прилетела «чёрная метка» в виде танков.

Костя от выхода нетерпеливо показывал на часы: время!

Мы вышли в ночь, пахнущую осенью, гарью и тревогой. У подъезда, как и прежде, стояли шестисотые «Мерседесы» — символы успеха, которые в свете зарева от горящего парламента выглядели нелепо и жалко, как детские игрушки на фоне пожара.

Лицо Кости было напряжено, взгляд скользил по сторонам, как у человека, привыкшего ждать неприятностей из-за любого угла.

— Биржа не переживёт этого, — повторил я, садясь на заднее сиденье.

— Ты в порядке? — спросил он, заводя двигатель.

— В порядке? Да, — ответил я, глядя на подсвеченные башни Кремля впереди. — Только вот форс-мажоры эти... не вовремя.

Костя хмыкнул, ловко встраиваясь в поток машин.

— А когда они вовремя бывают? Главное — деньги спасти. Остальное — дело наживное.

— Думаешь, получится?

— У нас получится!

Я смотрел в окно на проносящиеся мимо огни Москвы. Город жил своей жизнью, не замечая наших забот. В голове всё ещё звучали слова Ильяса: «Будут проблемы — скажи. Я решу!». Это было заманчиво. Но я слишком хорошо знал цену таким предложениям: обычно она включала твои почки.

— Твой Николай Ильич умный человек, — нарушил молчание Костя, словно угадав мои мысли. — С такими людьми, как Ильяс, лучше держать дистанцию. Дружба с ними — как ходьба по канату над пропастью.

— Я знаю, Костя. Мы просто играем в шахматы.

— Сегодня это шахматы, а завтра — ты окажешься в игре, правила которой ему не писаны, — заметил он.

Машина свернула на Садовое кольцо. Впереди показались подсвеченные башни Кремля. Символ власти и полного отсутствия стабильности в этом бурлящем котле девяностых.

— Знаешь, Костя, — задумчиво произнёс я, — босс прав. Репутация без денег — это просто пустой звук. Это как костюм от Армани на бомже.

Костя усмехнулся в зеркало заднего вида:

— Зато с деньгами можно купить не только репутацию, но и новую жизнь. Если успеешь.

Мы ехали по ночной Москве. Городу, который никогда не спит. Городу больших возможностей и ещё больших рисков. Городу, где каждый день ты ставишь на кон всё, что имеешь. И где ставки уже сделаны.

3

Война требовала действий. До утра я превратился в телефонного призрака, поднимая партнеров с постелей.

«На нас наехали по беспределу, срочно нужны деньги», — говорил я ложь, которая была понятнее правды о государственном перевороте. Мы распродавали будущее — чеки, акции, мечты — за бесценок, спасая хоть что-то от надвигающегося хаоса.

К утру я обзвонил всех, кого знал в бизнесе. Ситуация мне совсем не нравилась. Выбирать меньшее из зол — сомнительное удовольствие, особенно когда настоящего выбора нет.

К десяти утра всё было кончено. Компания «Индекс Х» была пуста. Мы сбросили токсичный груз до того, как биржа превратилась в мусорную корзину для капиталов. Когда торги наконец открылись через неделю, наши вчерашние акти-

вы стоили дешевле бумаги, на которой были напечатаны. Мы успели выскочить из горящего дома, прихватив лишь документы.

Но я не жалел ни о чём в ту ночь. Потому что рядом был Костя.

Он был парадоксом того времени: человек с состоянием, который выглядел как советский инженер на партсобрании. Когда он заходил в ресторан, его предупреждали об «очень дорогих» ценах. Он не играл в показную роскошь.

— Деньги то есть, то их нет, — говорил он мне как-то в Александровском парке под шуршание золотой листвы. — Если всякий раз под это меняться, можно потерять себя.

В мире, где репутация была валютой более волатильной, чем рубль, Костя был оплотом надёжности. Однажды его помощник попытался изменить цену сделки.

— Будет та цена, о какой мы договорились, — услышал я в трубке спокойный голос Кости. — Уговор дороже денег.

В ту ночь хаоса и форс-мажора именно это качество оказалось самым ценным активом. Пока страна играла в рулетку с историей на кону размером с Белый дом, мы спасали не деньги — мы спасали доверие друг к другу.

«Ставки сделаны... ставок больше нет», — сказал крупье нам вслед.

Для кого-то игра только начиналась. Для нас она закончи-

лась там же, где и началась — на выходе из сияющего казино в холодную московскую ночь, навсегда изменив правила игры.

Глава 2. Биржа

1

Годом ранее, промозглым декабрьским днём, я шел по Мясницкой к Чистым прудам.

Москва, отполированная ледяным ветром, выглядела вымершей. Воздух был колким, пахнувшим мокрым асфальтом и скорым снегом. Казалось, город затаил дыхание, наблюдая за собственным преображением...

Из окна дома, стоящего тенью за зданием госбезопасности, на морозе надтреснутым голосом Цой пел: «Перемен требуют наши сердца...»

Слова звучали как саундтрек к эпохе, которая только что снесла с Лубянской площади памятник «железному Феликсу», оставив на его месте зияющую пустоту.

Редкие прохожие с хмурыми лицами спешили мимо, словно зомби. Привычная картина мира рушилась стремительно, как цунами, смывающее берег.

Навстречу потянулись «пингвины» — пионеры нового рынка с табличками «Куплю ваучер». Государство выдало

населению приватизационные чеки: вот твоя доля национального богатства, иди и владей. Но никто не понимал, что с ней делать.

Я открыл массивную черную дверь биржи. В нос ударил спертый воздух, запах дешевых сигарет и влажной одежды. Попасть сюда мог любой, купив билет в новую экономическую реальность. Зал напоминал барахолку: вместо самоваров здесь обращались бумажные чеки. Огромный исторический потенциал в сочетании с бросающейся в глаза убогостью.

В центре на подиум поднялся маклер в вязаной кофте и летней обуви. Он поздравил всех с открытием первых легальных торгов ваучерами. Все захлопали. К нему подошел изрядно пьяный гражданин в потрепанном пальто и, икнув, сказал по-американски: «О'кей!». Его мятый ваучер с жирным пятном выглядел как квитанция из столовой.

Маклер объявил стартовую цену — 9999 рублей за номинал в 10 000. Первые торги состоялись под аплодисменты. Цена на табло скакала произвольно: взлетала на волне ажиотажа и падала камнем вниз при малейшем сомнении. К концу сессии она откатилась к семи тысячам. Все, кто купил на пике эйфории, оказались в убытке. Публика разочарованно потянулась к выходу, оставляя мусор — следы первого биржевого бума.

Лишь позже я понял суть увиденного: ваучеры стали нашим первым фондом ликвидности в примитивном виде. За период обращения они выросли в цене в семь раз от номинала, периодически обваливаясь и отрастая вновь. Беда была в том, что никто не знал, что будет завтра. Заработай сегодня, а о завтра подумаем завтра.

2

Я обратился к менялам, многих из которых знал лично. В этом тесном зале мы все были одной крови.

— Привет, спекулянты, барыги, джентльмены удачи! — бросил я в толпу.

Ко мне подошел Валерка, предприниматель, сколотивший капитал на кабинках переносных туалетов. Он двигался с медлительностью замороженной птицы дронт.

— Мы герои нашего времени! — со смехом сказал он.

— Почём продаёте Родину пиндосам? — усмехнулся я.

«Пиндосами» называли американцев: их экипировка напоминала пингвинов, а «пингвин» по-сербски — «пиндос». И именно у этих «пиндосов» были деньги на наши заводы.

— Нужно поговорить! — шепотом сказал Валерка, и его

ухмылка сползла с лица.

— Да ладно тебе париться, — говорил я ему обычно. — Деньги не пахнут!

— В отличие от твоих туалетов!

Но сегодня шутки не клеились.

— Ты уже слышал про Лётчика? — запинаясь, спросил он.

Лётчик был нашим другом из военной авиации, бывший афганец, держал палатки на ВДНХ и никогда не унывал. Его любимым словом было «прорвёмся».

— Что с Лётчиком?

— Отойдём.

В стороне от шума он выпалил:

— Убили Лётчика! Вчера застрелили в подъезде дома, а все его ваучеры пропали.

Мы замолчали. На душе скребли кошки. Я вспомнил наш последний разговор:

— Ты не боишься, что нас всех посадят?

Лётчик тогда грустно посмотрел на меня:

— Ты про бизнес? Не заморачивайся, мы просто блохи на теле рынка. Все бриллианты оседают у избранных — газ, нефть, сталь... Нам достаётся лишь бриллиантовая пыль.

Он тяжело замолчал.

— Впервые у всех нас появился шанс всё изменить! И всё зависит от того, что мы сделаем сегодня! Каждый из нас.

— Послушай...

— Не перебивай. Ты спросил, боюсь ли я? На войне страх теряется! Зато возникают вопросы. Много вопросов. В Афгане мы были на войне, которая оказалась ошибкой. Зашибись! Никто не сказал мне, как жить дальше в уже новой стране!

Он запнулся:

— Пиндосы объяснили. Хочешь жить — умей вертеться... Забей! Прорвёмся! Или нас не будет!

Его улыбка человека, который никогда не сдаётся, навсегда врезалась в мою память. Последние слова оказались пророческими.

Терять людей близких по духу — это опустошение. Как ампутация части тебя — ничем не исправить. Ты подходишь к окну: мир даже не заметил утраты. И та боль, которая пронизывает тебя насквозь — только твоя и только в тебе.

Царство Небесное тебе, мой друг Лётчик!

Глава 3. Американские горки

1

Моя любовница, женщина с острым умом, любила повторять, что счастливый человек всегда свободен.

Он ловит волну в Пенише или ищет хрустальные черепа в Чиуауа, но уж точно не вкалывает как раб на галерах ради денег.

Трудно было возразить. Но ценности у всех разные. А деньги? Это как воздух: пока он есть, ты его не замечаешь.

Рабочий день у меня не нормирован. В тот вечер я пошёл выпить кофе на Тверскую, где недавно открылась «Ля Кантина». Заведение держали иностранцы, превратив его в витрину своего образа жизни. Пиндосы!

Нам столько лет внушали, что они загнивают, что когда СССР рухнул, мы ударились в другую крайность — стали бездумно им подражать. Вспомните «Наутилус»:

«Нас так долго учили любить твои запретные плоды».

Было уже темно. Я сел за стойку. Бармен-пакистанец подал мне эспрессо и удивился заказу текилы. Мысли о Лётчи-

ке не шли из головы.

«О, эти сумасшедшие русские! — наверняка подумал пакистанец. — Но как щедро платят чаевые!»

Тогда же мы узнали, что хорошим тоном считается оставлять не менее десяти процентов. Я расплатился и огляделся.

Авантюристы всех мастей составляли клиентуру ресторана. Здесь перемешались американцы с их белозубыми улыбками, немцы с их педантичностью, наши бандиты с чиновниками и проститутки с Тверской.

На подиуме русская девушка исполняла стриптиз. Она казалась самой нерастлѐнной в этом зале.

Бандиты кидали ей доллары. Мы и тут были впереди планеты всей.

Пока я облизывал соль с руки, за стойку рядом присел американец. Их всегда выдаёт самодовольный вид хозяина жизни. Никогда не понимал их тяги всё превращать в шоу. Сама их жизнь — шоу. А шоу — это иллюзия. Правда в том, что они уважают только силу! Пиндосы!

— Хай! Я Дональд! — обратился он ко мне с улыбкой Чеширского кота.

Для них улыбаться — это как для русских хмуриться.

— Хай! Говоришь по-русски?

— Да-да! Это мой ресторан! В России сейчас самый кру-

той бизнес! Просто сумасшедший!

Словечко «крутой» резало слух.

— Мне очень повезло, я понял это раньше других, и вот я здесь!

— А зачем тебе деньги, Дональд? — спровоцировал я.

— Ты был в Сан-Диего? На закате это самое красивое место... Бирюзовое небо, малиновый закат...

Он ещё и романтик. Удивил! Нам по-другому рисовали капиталистов.

— Я планирую купить дом на побережье. А деньги? Это возможность делать что хочешь!

Лицо американца озарилось предвкушением рая. Его американская мечта сбывалась здесь, в России.

— Дональд, давай выпьем. Давай помянем моего друга Лётчика. Не чокаясь...

— Я не понимаю тебя. Что значат слова «помянем не чокаясь»?

Ну разве ему объяснишь? Для него это — ни о чём! Мы для них как инопланетяне, с которыми просто супер-выгодно делать бизнес.

— Так говорят, когда желают кому-то бессмертия.

Американец скорее почувствовал, чем понял:

— Ну хорошо, я выпью с тобой!

Мы выпили.

— Что думаешь делать дальше?

Он прекрасно меня понял.

— О! У меня большие планы! Нужно тиражировать бизнес! Такие возможности выпадают раз в сто лет!

— Супер! — сказал я.

Мы помолчали.

— Вот кто меня по-настоящему удивляет, так это ваши «новые русские», — продолжил он. — Они как дети! Если только у них появляются деньги, первое, что они делают — скупают всё самое дорогое. Никто в мире так больше не делает!

Американец был прав. Его взгляд со стороны резал по живому. Мы скупали кучи барахла, самого кричащего. Немецкие машины, швейцарские часы... Всё это выставлялось на показ как трофеи на витрине. Деньги у нас не работали. Они сторали в топке тщеславия. А ведь в этом — весь смысл денег!

И я не знал, что ему сказать. Разве что сравнить нас с Робинзоном Крузо, который после заключения на острове вдруг обнаружил сундук с сокровищами и теперь просто сорит золотом, не понимая его ценности.

— Чтобы получился хороший газон, его нужно стричь триста лет, — подумав, ответил я.

Говорить больше было не о чем. Триста лет у нас не было.

У нас было «здесь и сейчас», сжатое в пружину десятилетиями ожидания.

— А что ты думаешь о русских девушках? — перевёл я разговор.

— Они бомба!!! — его глаза загорелись восторгом. — Нигде я не видел так много красивых женщин сразу! Это вторая причина, почему я в России.

Американец не выпил больше ни рюмки:

— Одного я не понимаю: почему все ваши девушки хотят замуж непременно за иностранцев? Это ненормально! Я думаю, они совсем не знают себе цену!

— Дональд! Мы только что вышли из тюрьмы. Дай нам сначала отъехать от ворот, — ответил я словами из старого анекдота.

Но американец ничего не понял. Он смотрел на меня с вежливым недоумением человека из другого мира, пытаюсь найти логику в моей метафоре. Для него это была просто странная русская шутка.

Он не знал, что наша «тюрьма» — это не стены с колючей проволокой, а менталитет, из которого мы пытались вырваться на бешеной скорости «шестисотых» мерседесов. Мы ещё не отъехали от ворот. Мы только вдавили педаль газа в пол, и визг шин заглушал все доводы рассудка.

Не хочу сказать, что я много выпил тем вечером, но от зажигательной сальсы, текилы и стриптиза «Остапа понесло». Я живой человек из плоти и крови, а не «железный Ильич» из службы безопасности, чтобы всегда держать всё под контролем.

У меня другая профессиональная деформация: я азартен, да ещё в отягчающей форме — ненавижу проигрывать!

На входе в ресторан стоял афроамериканец, настоящий атлет. Его единственной заботой было открывать и закрывать двери перед гостями. Он ни слова не говорил по-русски, но компенсировал это обворожительной голливудской улыбкой — такой, будто рекламировал зубную пасту «Колгейт».

И меня осенило: нам в компанию, во что бы то ни стало, нужен свой собственный швейцар! Именно такой — с американской улыбкой на входе!

Поймите правильно, мы все тогда сходили с ума от шальных денег и соревновались друг с другом в амбициях. Почему мы так делали? Просто потому, что впервые могли себе это позволить! Моя любовница говорила мне:

— Что вы за пол такой? Всё время надо — не надо, меряетесь членами, у кого больше!

Конкретно в этот вечер она была абсолютно права. Не откладывая задуманное в долгий ящик, я тут же переговорил с Дональдом. Американец ответил:

— Хочешь дать ему заработать? Окей! Его зовут Майкл. Он свободный художник.

Вот она, разница между нами и пиндосами! Деньги у них всегда на первом месте, а поговорить?!

На следующее утро я уже представлял Майкла своему боссу Василию Х, основавшему нашу инвестиционную компанию, которая проводила все допустимые операции с ценными бумагами. Конечно же, большинство этих бумаг являлись пустышками. Люди, поверив телевизору, вкладывали свои ваучеры в пустоту. Правительство обещало за каждый вложенный ваучер два автомобиля «Волга»! Кто бы устоял?!

Босса звали Василий Х., поэтому и компания называлась «Индекс Х». Впрочем, в коллективе её почти сразу переименовали в «Иди к Васе!». Вася рулил.

Человек он был незаурядный.

Из комсомольского активиста он переобулся в капиталистическую акулу налету. Но дело знал, хватку имел бульдожьей, а главное — мог замотивировать кадры «ковать деньги, не отходя от кассы», то есть не упускать время и возможности, пока обстоятельства благоприятствовали.

Словом, Василий был нашим флагом, который мы всей командой победно несли.

Внешне балагур и весельчак, он имел волевой характер, и с ним все считались.

Василий сразу оценил масштаб моего замысла.

— Ты же знаешь, — сказал он мне серьёзно, — я не люблю только афроамериканцев и расизм! — и засмеялся. Его шутки всегда были на грани фола.

Сам он постоянно курил сигары или трубку. Вот и сейчас, выпуская клубы ароматного дыма, он сказал то ли мне, то ли ни черта не понимающему Майклу:

— А хрен с ним! Давай попробуем! — и снова засмеялся: — Пусть конкуренты застрелятся!

— Хрѐн? — переспросил притихший Майкл.

— Хрен, хрен! — растолковал ему Василий. И вопрос был окончательно закрыт в пользу угнетѐнного народа Африки.

Назавтра в компании был корпоратив. Когда на фирму поступали заработанные три-четыре мешка налички — а по-другому никто и не работал, СВИФТа ещё не было в помине — тогда фирма устраивала праздник, чтобы поднять мотивацию и самооценку в коллективе.

Выпивали и танцевали все сотрудники до раннего утра. Как правило, накануне заказывались популярные звѐзды эст-

рады — Губин или Ветлицкая.

Мы чудили не по-детски: разбрасывали из окна офиса пятидесятитысячные купюры; обливали друг друга шампанским из горла; посреди ночи вызывали девочек из «Найт Флайт» или мчались на такси в казино «Черри».

Под утро прибыл наряд полиции с автоматами. Его вызвали жильцы из дома напротив. Мы очень сильно шумели. Объясняться отправили в зюзию пьяного Майкла.

Он твердил полицейским всего два слова:

— А мне карашо!

— Мы видим! — полицейские хотели арестовать Майкла, но мы выкупили его за двести американских долларов.

В общем, праздник получился!

Назавтра мой босс Василий спросил меня:

— Как ты думаешь, что это было вчера?

— А на что это похоже? Оторвались по полной!

— Верно! Тинейджерам нужен праздник, слишком много стресса! — тинейджерами он называл всех моложе себя. — Слабые быстро перегорают!

— Как же корпоративный дух? Чувство долга?

— Чувство долга — атавизм из СССР. Там ты с рождения был всем должен. Сегодня дух держится на деньгах. Как только я перестану их показывать, все разбегутся на следующий день. Не мы такие, время такое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.